

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Л.М. Ермакова

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Ниже мы собираемся представить публикацию текста одной повести, которая, впервые увидев свет двести лет назад, с тех пор, видимо, была предана забвению и не упоминалась даже в самых подробных специальных исследованиях. Собственно говоря, по размерам это небольшой рассказ, но он вполне соответствует повестийному жанру, во всяком случае, в той его разновидности, которая характерна для русской литературы второй половины XVIII в. и первого десятилетия XIX в., – того периода, когда успех в «непрерывной вежливой войне», которую, по выражению Б. Эйхенбаума, проза вечно ведет с поэзией, пожалуй, еще склонялся в сторону прозы.

Повесть эта называется «Остров Шамуршир»¹, ее создатель скрыт под псевдонимом М. М-в, напечатана она была в Москве в 1810 г., хотя автор ее, возможно, был петербуржцем или же написал ее в столице, поскольку в конце повести стоит не только псевдоним автора, но и указание – «С.П.Бургъ, 1810 года». Правда, это последнее может оказаться и мистификацией со стороны анонимного писателя, желающего таким образом удостоверить подлинность рассказываемых событий – ведь

повествователь, по его утверждениям, ведет рассказ со слов офицера Русско-Американской Компании, главное правление которой сначала располагалось в Иркутске, а с 1800 г. – было перенесено именно что в Петербург. (Компания эта была создана в 1799 г. и получила от Павла I монопольные права на пушной промысел, торговлю и открытие новых земель в северо-восточной части Тихого океана).

Автор настоящей публикации обнаружил эту повесть в процессе поиска ранних упоминаний о Японии в России. Однако, как выяснилось при знакомстве с текстом, в повести о Японии не говорится, зато речь в ней идет об айнах, только не хоккайдоских, а курильских айнах, или курилах.

Курилами в ту пору называли прежде всего людей племени айну, живущих на Курильских островах; кроме того, они населяли еще и Сахалин, и юг Камчатки. К моменту создания повести в России уже хорошо знали о существовании племени курил и островах, где они живут. Места их обитания европейцы (голландцы) впервые посетили в 1643, вскоре после этого, в 1648 г. Семен Дежнев, добравшийся до Камчатки, впервые услышал о племени «мохнатых» курил, мужчины которого носили большие окладистые бороды. Затем приказчик Анадырского острога Владимир Атласов, «якутский казак» родом из Великого Устюга, с военным отрядом отправился покорять и облагать ясаком разные камчатские племена, в том числе курил, у которых, как оказалось, и взять было нечего. В 1711–13 гг. северную группу Курильских островов подробно описал российский отряд во главе с Д. Анфицеровым и И. Козыревским. (Целью экспедиции была попытка установить контакт с Японией, но штормовое море не позволило Козыревскому продолжить свой маршрут до «Апонского государства», как это формулировалось в наказе

Козыревскому камчатских властей).

И. Козыревский во время двух экспедиций на своих байдарках сумел добраться до двух островов – Шумшу («Шоумчу» называет его А.С.Пушкин в своих материалах к заметкам о книге Крашенинникова о Камчатке²) и Парамушир. Это самые северные из островов, непосредственно примыкающие к южной оконечности Камчатки – не исключено, что именно из этих двух названий и сконструировал анонимный автор повести название для своего острова – Шамурир. Возможно также, что свою роль сыграл и топоним Симусир (Симушир), занесенный в чертеж Козыревского и Анциферова, составивших во время своей экспедиции карту ряда Курильских островов; на севере острова в прошлом было одно из самых многолюдных поселений северных айнов и алеутов.

Впрочем, скорее всего название острова было заимствовано анонимным автором повести не из этой карты и не из донесений последующих русских экспедиций второй половины XVIII в.³, а все-таки из более позднего «Описания земли Камчатки» 1755 г.⁴ упомянутого выше С.П. Крашенинникова – тогда сведения о Курильских островах и их обитателях впервые появились не в специальных донесениях, а в открытой российской печати. Там Крашенинников, в частности, писал: «Курилы говорят тихо, плавно, свободно и приятно. Слова в языке их посредственны, гласных и согласных в них умеренно; но и самой народ всех диких народов добронравнее, осторожнее, правдивее, постоянное, обходительнее и честолюбивее». Возможно, эта характеристика и вдохновила автора произведения, о котором идет речь. Книга С.П. Крашенинникова была в те времена достаточно популярна – так, у

Пушкина, согласно Б.Л. Модзалевскому⁵, имелось ее второе издание 1786 г. – по-видимому, приобретенное в связи с предполагавшейся поездкой поэта в Китай, в конце концов не состоявшейся.

Кстати, к концу XVIII в. в российской печати появилось и изображение курильцев – в книге с цветными гравюрами И.И. Георги⁶ «Описание всех в Российском государстве проживающих народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», вышедшей в Петербурге в трех частях в 1776–1777 гг. (Екатерине II так понравилось это сочинение, что она, приказав напечатать его «в счет кабинета, но в пользу автора», даже подарила Георги золотую табакерку). Курилец изображен в книге с усами и окладистой бородой, с огромным изогнутым луком в руках, одетым в короткий темно-синий халат-плащ с ярко-красным орнаментом квадратных очертаний.

Повесть, о которой идет речь, была напечатана в журнале «Аглая», издателем которого был князь Петр Иванович Шаликов (1768–1852), поэт, издатель и журналист, переводчик Жанлис и Шатобриана, сначала сделавший карьеру военного, а после отставки занявшийся литературой. Вероятно, П.И. Шаликов, горячий поклонник Карамзина и его подражатель и в стихах, и в своих записках путешественника, наименовал так свой журнал в подражание карамзинскому альманаху «Аглая», который к тому времени уже давно прекратил существование.

Итак, издатель повести – сравнительно известная фигура в истории российской словесности, что же касается автора, то его инкогнито пока раскрыть не удалось. Соблазнительно было бы, исходя из инициалов, приписать авторство М.Н. Макарову (1785–1847), с которым Шаликова

связывало тесное сотрудничество. В.Э. Вацуро называет Макарова «плодовитым литератором и историком-дилетантом, принадлежащим к числу поздних московских сентименталистов»⁷. Добавим к этому, что М.Н. Макаров был также переводчиком с английского. В.Э. Вацуро приводит в пересказе ряд сюжетов, принадлежащих его перу (некоторые при этом являются литературными мистификациями) – некоторые связаны с кораблями, путешествиями, морем, многие также подписаны разного рода псевдонимами. Однако эту догадку на данном этапе подкрепить нечем, кроме сходства инициалов – «М. М-в».

Надо сказать, что и польская исследовательница Магдалена Домбровска, автор новейшего монографического труда, посвященного русской литературе сентиментализма, оставляет инициалы «М. М-в», которые встречаются в журналах и альманахах, без попытки определения автора. В то же время повесть «Евдоксия, или картина мнимого просвещения (Происшествие XIX столетия)», опубликованная в том же 1810 г., что и «Остров Шамуршир», в другом выпуске того же журнала «Аглая» (ч. 9, кн. 2, с. 30–40; кн. 3, с. 3–37) под псевдонимом «М. М.к.р.въ» однозначно толкуется ею как М.Н. Макаров⁸. Продолжая рассуждения об авторе, сообщим существенный факт – под тем же псевдонимом, то есть М. М-В., в журнале «Аглая» за 1810 г. в следующей, 12-й части журнала (кн. 2, с. 3–31), была опубликована еще одна повесть – «Варенька». Повести обнаруживают определенное таксономическое сходство: «Остров Шамуршир» носит подзаголовок «Курильской анекдот», а помета к «Вареньке» гласит просто «Анекдот». Повествователь – герой повести «Варенька», от лица которого ведется рассказ, в результате людских козней вынужден поселиться в деревне. Там его встречает любовь в лице его

воспитанницы, крестьянки Вареньки, то есть сходных точек с рассматриваемой повестью можно найти несколько. Тем не менее, стилистически эти повести значительно отличаются друг от друга, и хотя в обоих случаях использован один и тот же авторский псевдоним (а также подозрительно созвучны имена героинь – Варенька-Варьми⁹), скорее всего, на наш взгляд, они написаны разными людьми.

Скажем здесь же, что в «Библиографическом реестре русских сентиментальных повестей», приложенном к исследованию М. Домбровской, где перечислены, кажется, практически все произведения этого направления с 1772 по 1819 гг., обсуждаемая нами повесть отсутствует, что тем более оправдывает наше нынешнее намерение представить ее более или менее подробно.

Итак, повесть «Остров Шамуршир» рассказывает о любви русского офицера Малинского и юной «курилки» Варьми и начинается словами: «Когда корабль оставляет Охотское море и намеревается плыть в море открытое, названное Восточным Океаном, тогда ему невозможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселенных народами, которые едва ли имеют и малейшее понятие о первой точке просвещения: они дики и совершенно необразованны. Звериная и рыбная ловли составляют их главную промышленность. Дань, которую они платят мехами и рыбой Российской Державе, означает зависимость их от оной; но впрочем они управляются старейшинами семейств, которых иногда они называют Принцами, или самодержавными Князьями.

В 1784 году один Российский купеческий корабль, находясь долговременною жертвою непостоянной стихии, был прибит к берегам

Шамуршира, одного из главнейших островов Курильских».

Такой зачин вполне характерен для повестей этого жанра и сразу вводит параметры отдаленности, дикости, опасности, чуждости того края, куда попадает герой.

Нет нужды подробно пересказывать повесть, поскольку ниже она приводится полностью. Перечислим лишь существенные звенья сюжета – далее в завязке повести сообщается, что офицер Малинский, бывший на купеческом корабле пассажиром и путешествовавший из любопытства, внезапно занемог. Однако корабль должен был плыть дальше по неотложным торговым делам, и товарищам пришлось, проливая слезы, оставить его на берегу такого «самодержавного» острова Шамуршир, впрочем, уже платящего дань русскому самодержавию.

«Какая минута! – высокопарно пишет автор повести. – Остаться в безвестности судьбы своей, между народами незнакомыми, которые, может быть, отвергают всякое чувство сострадания; которые, может быть, самую добродетель признают в образе тиранства, самого Бога в образе злодеяния! – Мучительная неизвестность! кто может изобразить тебя!»

Однако Малинского подобрала добросердечная курильская семья – муж Джизи, жена Гульми и молодая дочь Варьми, они выходили и полюбили Малинского. Когда об этом узнали другие обитатели острова, они нагрянули в дом семьи, принявшей Малинского, чтобы убить его. Оказывается, ранее здесь произошла такая история: к берегу пристал голландский корабль, моряки сошли на берег, похитили нескольких курильцев и увезли их.

Отец Варьми убеждает соплеменников (в тех же высокопарных словах, что в уже приведенной цитате) пожалеть русского, друга курильцев

и «подданного великого царя». Пришедших удастся уговорить («вот действие красноречивой добродетели над жестоким заблуждением!»), и потом, встречаясь с Малинским, курильцы радуются тому, что не убили такого доброго человека, и, как оказывается, вообще, благодаря ему, смягчились по отношению к европейцам.

В конце концов наступил день, когда к острову пристало русское судно, «Малинский объяснился с капитаном корабля и был принят на оной с сердечным удовольствием своих добрых соотечественников». Варьми «ангельским голосом с видом робости» говорит ему, что согласна ехать с ним. Следует драматическая сцена расставания с родителями.

«Сей анекдот», – заключает автор повести, скрывшийся под псевдонимом М. М-в, – «был рассказан мне одним из морских офицеров, бывших в Российско-Американской компании; он сам был на острове Шамуршире, где имя Малинского у всех жителей еще не забыто; но он не застал живыми Джизи и Гульми; быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти. Проезжая Т*** Губернию, знакомец мой видел Малинского, восхищался образом его жизни, его Варьми, самим им и его детьми!»

Эту повесть, судя по всему, вряд ли можно отнести к числу высших достижений русской прозы XIX в. Тем не менее, она, несомненно, весьма любопытна – и по многим причинам. Прежде всего, хоть это соображение отнюдь не эстетического характера, повесть – единственное не только в России, но и на всем литературном Западе произведение художественной литературы, где в качестве главных персонажей фигурируют айны (хоть и условно романтические), и уже одно это, вероятно, может считаться

достаточным основанием для публикации повести.

Кроме того, это произведение, два века пролежавшее в забвении, имеет ряд примечательных черт и с точки зрения российской литературной истории. Она совершенно очевидно принадлежит к числу довольно ярких и характерных произведений русского сентиментализма, – течения, которое вслед за Г.А. Гуковским многие исследователи и теперь считают своего рода «предромантизмом». Как известно, это течение в литературе, пришедшее с Запада, пережило в России период бурного расцвета и закончилось как направление очень быстро, хотя его тенденции, энергия его идей и возможности «литературной чувствительности», которые были заключены в нем, явно не исчерпаны и поныне, что признают многие современные исследователи.

Напомним, что эта специфическая «чувствительность» сентиментализма означала не только способность чувствовать, но еще и способность сострадать, способность к восприимчивости и отзывчивости. Притом «чувствительность» была не просто идеальной характеристикой нового человека периода сентиментализма, но своего рода орудием социального спасения – предполагалось, что если эта способность станет чертой многих, то с ее помощью в какой-то мере можно будет исправлять общественные пороки и помогать обиженным судьбой.

В русской литературе образцом для порождения текстов такого рода была, разумеется, «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина (издана в 1792 г.), идея которой, помимо чувствительности, состояла в том, что «и крестьянки любить умеют». То есть объектом чувств стал новый входящий в литературу, довольно разнородный слой персонажей, от крестьян до диких, но простодушных туземцев. Идея эта, вскоре завладевшая умами разных

русских писателей, в том числе и автором рассматриваемой повести, восходила, в частности, к руссоистской мечте о возвращении к природе, о поисках утраченной гармонии, которая, как верилось просветителям XVIII в., может быть обретена в среде людей, не испорченных современной цивилизацией – поскольку при рождении все люди, как предполагалось, наделены чистотой помыслов и благородством. Вслед за Европой «благородные дикари» скоро приобрели популярность и в России – в конце XVIII в. в русской периодике печатались многочисленные переводы произведений европейских сентименталистов¹⁰. С образом туземца – носителя абсолютных нравственных ценностей мы встречаемся и в рассматриваемой повести, где говорится, в частности, о том, «какое славное преимущество может получить безыскусственная, живая Природа; там, где существуют уже нравы испорченные, конечно, невинность должна быть фениксом...».

Не приходится удивляться поэтому, что действие романов этого направления, европейских и отечественных, часто происходило на далеком труднодоступном острове, куда герой попадал по случайности. Очевидно, что и название рассматриваемой повести воспроизводит структуру карамзинского «Остров Борнгольм» и вообще, по словам Ю.М. Лотмана, отсылает к «воображаемым путешествиям в географическом, культурном и временном пространстве»¹¹.

Понятно, что фабула повести как любовная история в духе сентиментализма вполне характерна для XVIII – начала XIX века, нечто сходное может быть найдено в литературах разных европейских стран этого периода. И нечто весьма похожее именно на такой сентиментально-романтический штамп, но без «дикарского» колорита, с оттенком

пародийности воспроизведет потом Пушкин в «Станционном смотрителе».

Сходства у повести «Остров Шамуршир» в самом деле немало – как с образцом жанра, «Бедной Лизой», так и с произведением, Карамзина пародирующим, – пушкинским «Станционным смотрителем», которого А. Жолковский в своей «Семиотике “Тамани”» назвал «программно-антисентименталистским».

Итак, между «Островом Шамуршир», «Станционным смотрителем» (и исходным образцом – «Бедной Лизой») можно установить целый ряд соответствий. И порой это сходство «Шамуршира» и «Смотрителя» вполне способно навести на мысль о том, что «Остров Шамуршир» мог быть знаком Пушкину. Дело здесь не только в том, что Пушкину явно была хорошо и близко известна деятельность Шаликова и его окружения. Ряд общих черт обоих произведений в самом деле позволяет предположить, что «Остров Шамуршир» стал частью того собирательного образа, того литературного штампа, который существовал в представлениях Пушкина как некая «матрица» сентиментализма. Не настаивая на этом, ограничимся предположением, что мишенью Пушкина были как раз и прежде всего такие сюжетные схемы и типы построения сентиментального повествования, к которым можно отнести повесть М. М-ва.

Вероятно, стоит оговориться, что это наше предположение противоречит основным выводам Д. Рицци, которая в своей работе «“Станционный Смотритель” Пушкина и “Старосветские Помещики” Гоголя»¹² утверждает, что повесть «Станционный смотритель» – литературная рефлексия исключительно над «Бедной Лизой», и у Пушкина в его литературном диалоге только один «собеседник» – проза Карамзина. С этим трудно согласиться: прежде всего, одного собеседника Пушкин

назначает себе сам и называет его с самого начала произведения – это П.А. Вяземский, чьи строки из стихотворения «Станция» Пушкин выбирает в качестве эпиграфа (перефразировав на свой лад). Но есть и другие основания сомневаться в том, что Пушкин взаимодействует только с одной «Бедной Лизой»: ведь между этой карамзинской повестью (увидевшей свет еще до рождения Пушкина) и «Смотрителем» прошло тридцать с лишним лет, и у поэта могли быть и наверняка были и другие литературные впечатления, относящиеся к более позднему времени. Кстати, о том, что «Смотритель» «откликается» не только на Карамзина, говорят и другие исследователи – так, в частности, существует предположение, что в качестве еще одного литературного собеседника Пушкина в «Станционном смотрителе» выступает А. Погорельский с его повестью «Двойник, или Мои вечера в Малороссии»¹³.

Возвращаясь к повести о «прекрасной курилке», перечислим кратко элементы фабулы и черты стиля, которые нам кажутся общими для «Острова Шамуршир» и «Станционного смотрителя» (многие из них отмечены В.Н. Топоровым как характерные для «Бедной Лизы», а Д. Рицци – для «Станционного смотрителя»), и посмотрим, к каким результатам это может привести.

1) И у М. М.-ва, и у Пушкина, и в «Бедной Лизе» речь идет об отдаленном и чужом для героя, в известном смысле замкнутом пространстве, куда попасть можно через этап путешествия. В «Бедной Лизе» герой посещает это пространство по собственной воле, в «Острове Шамуршир» и в «Станционном смотрителе» вынужден остаться в этом замкнутом пространстве из-за болезни (в «Шамуршире» болезнь подлинная, в «Смотрителе» – притворная).

2) Во всех трех случаях действие отнесено к прошлому – в «Бедной Лизе»: «Эраст был до конца жизни своей несчастлив. <...> Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю». События, описанные в «Шамуршире», рассказаны повествователю офицером Российско-Американской компании уже после того, как он побывал на острове Шамуршир, а потом в «Г*** Губернии», где он видел семью Малинского и его детей, то есть времени также прошло немало. У Пушкина: «станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена»; «вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер».

3) Все три повести начинаются с отвлеченного описания. У Карамзина: «Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле ...»; у М. М-ва: «Когда корабль оставляет Охотское море и намеревается плыть в море открытое, названное Восточным Океаном, тогда ему невозможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселенных народами...», наконец, у Пушкина знаменитое «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги...».

4) Во всех трех случаях в повести фигурирует не только прекрасная девица, но речь непременно идет о ее родителе или родителях. В «Бедной Лизе» главой дома выступает ее мать-вдова, в повести о курильской девушке – оба родителя, в «Смотрителе» – отец.

5) Герой во всех трех повестях добивается расположения родителей девушки: «Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нем никакого худого намерения. <...> Старушка в самом деле всегда

радовалась, когда его видела». В «Смотрителе» и «Шамуршире» старец дает приют приезжему в своем доме – только у М. М.-ва герой принимает эту услугу в силу обстоятельств, у Пушкина герой сам добивается этой услуги плутовством. Более того, в обоих случаях отец сам дает разрешение дочери на отъезд с главным героем: у М. М.-ва – по доброй воле («Джизи и Гульми осыпали ее благословениями»), у Пушкина – в результате коварного обмана («“Чего же ты боишься?” сказал ей отец; “ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви”»).

6) В конце трех повестей наступает смерть одного или обоих родителей девицы. У Карамзина: «Кровь ее (матери Лизы – Л.Е.) от ужаса охладела – глаза навек закрылись», у М. М.-ва умирают оба родителя – «быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти». В «Смотрителе» не обходится еще и без описания кладбища («отроду не видал я такого печального кладбища»).

7) Применен одинаковый способ установления достоверности повествования с помощью даты: «В 1784 году один российской купеческой корабль...» (М. М.-в), «В 1816 году, в мае месяце, случилось мне ...» (Пушкин); обе повести говорят о том, что происходило в прошлом по отношению к моменту повествования, но при этом в обоих случаях рассказ складывается с эффектом сиюминутного присутствия.

8) Имитация реальности достигается и с помощью указания места или намека на конкретное место: у Карамзина это «Москва», «башни Си...нова монастыря», «Воробьевы горы», «Коломенское с высоким дворцом своим» и т.д.), у Пушкина «***ская губерния», «в трех верстах от станции***», путь «из Смоленска в Петербург», Литейная, село Н.; у анонимного автора «Острова Шамуршира» – Охотское море, Восточный

Океан, Курильские острова и, наконец, сам Шамуршир.

9) Одинаковы признаки благополучия соблазненной девушки – дети как показатель официального статуса и гарантия семейного счастья: «знакомец мой видел Малинского, восхищался образом жизни его, его Варьми, самим им и его детьми!» (М. М.-в), «“Прекрасная барыня” отвечал мальчишка; “ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами...”» (Пушкин).

10) Один из персонажей в конце произведения посещает место, где происходили события и где молодая пара была счастлива: Лиза «вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов», офицер – источник информации для повествователя у М. М.-ва, «сам был на острове Шамуршире, где имя Малинского у всех жителей еще не забыто», у Пушкина: «я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.».

11) Этот последний пункт добавлен, можно сказать, из педантизма, поскольку «пролитие слез» горя и радости – естественный и постоянный атрибут сентименталистского повествования. В «Шамуршире» слезы льются семь раз, у Пушкина – пять, в «Бедной Лизе» – 22 раза. И только у Пушкина слезы оказываются объектом иронии: «Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем...»

Вообще, пресловутая «аховая» чувствительность в повести демонстрируется также самыми характерными, можно сказать, стандартными для этого направления средствами, они выделены и описаны В.Н. Топоровым применительно к «Бедной Лизе». Это прежде всего обилие восклицательных и вопросительных знаков,

«сверхэмоциональность». Как писал исследователь, «сделав акцент на внутренней жизни души, на “субъективности”, на движении чувств и мыслей, Карамзин встал перед необходимостью динамизации самого описания этих новых состояний»¹⁴. Как и в «Бедной Лизе», ритмический рисунок многих фраз рассматриваемой повести также построен на отчетливом звучании дактилических окончаний, что, по заключению В.Н. Топорова, «читалось у Карамзина как плавность, простота, безыскусность, “минус-прием”»¹⁵. В рассматриваемой повести это, очевидно, заимствованный стилистический ход, ставший уже расхожим, примеры здесь многочисленны, особенно в конце фразы или синтаксического периода: «он в крайней слабости упал бесчувственным», «на острове <...> между народами дикими» и т.д. Чрезвычайно часто наблюдается и инверсия определения и определяемого. В «Станционном смотрителе» ритм фразы на протяжении всего повествования далек от умильного дактилического слога, кроме разве концовки – «славная барыня», «и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных». И здесь использование дактилических ритмов даже, можно сказать, знаменательно: несмотря на снижение стиля упоминанием о точной сумме потраченных денег пушкинская концовка – чуть ли не самое «чувствительное» место в повести.

Упомянем также и о наличии эпиграфов у М. М-ва и у Пушкина. У первого, как и следовало ожидать, его составляют патетические строки из Карамзина, у Пушкина – ироническая переделка двух иронических строк из стихотворения П.А. Вяземского «Станция».

Из вышеприведенного перечисления можно видеть, как многочисленны совпадения «Острова «Шамуршир» и «Смотрителя», быть

может, их даже больше, чем прямых текстуальных подражаний «Бедной Лизе» у М. М-ва или передразниваний «Лизы» у Пушкина. Но то главное, что отличает обе повести от «Бедной Лизы», как представляется, заключено именно в неожиданной и счастливой развязке событий для героя и для соблазненной девушки. Часто говорится, что Пушкин пародийно и парадоксально поменял знак, отказываясь от карамзинского трагического исхода и превращая его в хэппи-энд на протяжении, собственно, всех «Повестей Белкина». Однако на примере повести «острова Шамуршир» мы видим, что такого рода перемена знака произошла в сентименталистской литературе несколько раньше – о чем поэт вполне мог знать, в том числе, и непосредственно из этой повести. То есть, можно сказать, что в пушкинском повествовании происходит обыгрывание и нюансировка карамзинской развязки, но в виде уже вполне перевернутом внутри рамок той же сентименталистской парадигмы.

Как мы видим, пародийное развитие сентиментально-романтических сюжетов осуществлено в «Смотрителе» через прямое воспроизведение их основных фабульных ходов и приемов с рядом изменений, в частности, с заменой характера и типа главного героя. Развитие идет от противоречивого Эраста через стадию романтического страдальца, побеждающего невзгоды у карамзинских подражателей, к успешному плуту у Пушкина.

Сравнивая «Остров Шамуршир» со «Станционным смотрителем», стоит, как нам представляется, говорить еще об одном сходстве. Это сходство разворачивается в сфере так называемых повествовательных инстанций.

В.Н. Топоров пишет о «Бедной Лизе», что здесь Карамзин

«практически первым ввел в текст фигуру рассказчика, возложив на него важные функции»¹⁶. Отделенный от автора рассказчик, находящийся вне сюжета, ведущий повествование со слов другого, и в «Бедной Лизе», и в «Шамуршире» оказывается сопереживателем, сочувствующим главным героям и их окружению и проклинающим тех, кто приносит им зло. Но есть и различия – в «Бедной Лизе» рассказчик повествует задним числом о том, что рассказал ему Эраст: «Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могиле».

В «Шамуршире» же функция рассказчика получает дальнейшее усложнение и развитие. Писатель вводит еще одну инстанцию – человека, на свидетельства которого ссылается рассказчик: «Сей анекдот был рассказан мне одним из морских Офицеров, бывших в Российско-Американской Компании». В этом случае сочувствие и сопереживание рассказчика оказываются многослойными – на одном уровне наррации он пересказывает рассказ морского офицера и воспроизводит его эмоции, но и, видимо, наслаивает на них свои сопереживания вместе со своей эмоциональной оценкой происходящего; впрочем, разделить эти два уровня для читателя невозможно, да, скорее всего, этого и не предполагается.

Такое, как в «Шамуршире», введение дополнительных повествовательных инстанций по сравнению с «образцовой» конструкцией «Бедной Лизы» ко времени создания Пушкиным «Станционного смотрителя» уже стало поводом и предметом пародирования (здесь возможно также и влияние Яна Потоцкого с его игрой в обрамляющие

конструкции). «Смотритель», как известно, имеет множество уровней повествования. Как сказано в «письме» к «Пушкину» (или, вернее, к «А.П.») от «издателя» «Повестей Белкина» (то есть в предисловии к повестям), этот сюжет рассказан был И.П. Белкину «титularным советником А. Г. Н.», о чем сообщил «издателю» «один почтенный муж, бывший другом Ивану Петровичу» (обратиться к которому «издателю», в свою очередь посоветовала «Марья Алексеевна Трафилина, ближайшая родственница и наследница Ивана Петровича Белкина»). Таким образом, пушкинская фраза «В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному», записанная, согласно сюжету «Повестей», И.П.Белкиным, должна, по сути, первоначально исходить от «А. Г. Н.», упомянутого в письме «издателя». Еще одно усиление у Пушкина – рассказчик оказывается лично вовлечен в сюжет, и хотя о главных событиях он сообщает сначала со слов смотрителя, а потом со слов мальчика, в начале повести рассказчик сам встречает смотрителя и его дочь и делится своими воспоминаниями об этом посещении и даже о поцелуе Дуни. (Структурно это напоминает то повествующее «я», которое мы видим в онегинских «лирических отступлениях» и которое не раз оказывается близко к главным героям и сюжетной линии, непосредственно в ней не участвуя).

Интересно сравнить и концовки: в «Бедной Лизе» концовка полностью принадлежит непосредственному рассказчику: «Теперь, может быть, они уже примирились!» В «Шамуршире» заключительная фраза – не прямая речь рассказчика, а пересказ со слов того же источника – офицера, однако эмоциональная оценка этих неведомых читателю слов и восклицательный знак в конце фразы, несомненно, принадлежат

рассказчику: «Проезжая Т... Губернию, знакомец мой видел Малинского, восхищался образом жизни его, его Варьми...». У Пушкина, как и в «Шамуршире», этот рассказчик – повествователь четвертого или пятого уровня (представляющий собой, как уже говорилось, некий общий образ, составленный из А.Г.Н. и И.П. Белкина, о котором Пушкин – А.П. – узнает из письма издателя).

Насколько реальна возможность того, что Пушкин хотя бы бегло просмотрел повесть «Шамуршир» в ряду иных произведений позднего сентиментализма, ставших впоследствии предметом его иронического обыгрывания?

Шаликов был, несомненно, яркой фигурой и занимал важное место в литературных кругах первой трети XIX в. В трудах по истории русской литературы его имя обычно приводят прежде всего как пример ярко выраженного эпигона сентиментализма. У современников он заслужил прозвища «Вздыхалов», «Кондитер литературы», «Князь вралей»; в изображении князя Вяземского он: «с собачкой, с посохом, с лорнеткой, и миртовой от мошек веткой, на шее с розовым платком, в кармане с парой мадригалов...». (Надо сказать, что в последнее время раздаются и голоса в его защиту, в том числе в сфере гендерных исследований. Так, Ю. Жукова в своей статье пишет о том, как она «была поражена насыщенностью русских журналов первой четверти XIX века материалами, связанными с женской тематикой, количеством профеминистских идей, высказываемых, в том числе, на страницах журнала “Аглая”, издаваемого в 1810–1812 гг. в Москве князем П.И. Шаликовым, которого, вопреки сложившемуся отношению к нему как к литератору третьего ряда <...>, по личным убеждениям мы могли бы назвать одним из первых русских

феминистов»¹⁷.)

Скажем здесь же, что еще ранее П.И. Шаликов стал соиздателем «Журнала для милых, издаваемого молодыми людьми», основанного в 1804 г. М.Н. Макаровым и выходившего в течение этого года 12 раз, а в 1822–1833 гг. Шаликов издавал «Дамский журнал». И во всех этих случаях «нежное чувство женщины» и «нежная чувствительность, сопряженная с моралью», как он сам писал, были предметом его главного внимания.

Вызывая всеобщие насмешки, он, тем не менее, играл активную роль в литературных кругах, близких Пушкину. Пушкин знал его довольно хорошо¹⁸; заходил по делам в его дом. В письме от мая 1836 г. Шаликов сожалел, что Пушкин, посетивший его (дом университетской типографии на Страстном бульваре, ныне д. 10), не застал его дома, и он не мог принять «бесценного гостя». В письме к В.Ф. Одоевскому от 1 сентября 1837 г. П.А. Вяземский вспоминал, что Пушкин посылал Шаликову «Современник» в подарок. Как пишет Л.А. Черейский¹⁹, Пушкин был знаком и с женой и дочерьми Шаликова. В письмах Пушкина его имя упоминается 13 раз, нередко как нарицательное, всегда с иронией, легкой или не очень: «На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов» (письмо из Москвы в Петербург Н.Н. Пушкиной от 27 августа 1833 г.).

Время от времени, начиная еще с лицейского времени, Пушкин поминал Шаликова и в стихах – с той же неременной иронией («Шаликов, добра хвалитель записной, / Довольный изредка журнальной похвалой»); самый язвительный пушкинский текст, посвященный Шаликову – знаменитая эпиграмма («Князь Шаликов, газетчик наш печальный»), написанная вместе с Баратынским 15 мая 1927 г. на завтраке у Погодина²⁰.

Сам же Шаликов, со своей стороны, был восторженным почитателем Пушкина, обращал к нему комплиментарные стихи. И, надо сказать, что Пушкин все же, в отличие от других современников, был к нему определенно снисходителен; так, в письме тому же П.А. Вяземскому от 19 февраля 1825 г. из Михайловского в Москву он пишет: «“Онегин” напечатан, думаю, уже выступил в свет. Ты увидишь в “Разговоре поэта и книгопродавца” мадригал князю Шаликову. Он милый поэт, человек, достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он именно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement»²¹.

(Кстати сказать, существует прецедент исследования, может быть, несколько сенсационного, в котором устанавливается гипотетическая связь между творчеством Пушкина и деятельностью Шаликова. Так, В.В. Сперантов в работе «Был ли кн. Шаликов изобретателем “онегинской строфы”?»²² говорит о сходстве схем рифмовки «Евгения Онегина» и оды кн. П.И. Шаликова «Стихи Его Величеству Государю Императору Александру Первому на бессмертную победу пред стенами Лейпцига в Октябре 1813 года», опубликованной в «Вестнике Европы», ч. LXXII, № 23/24, с. 174–176).

Таким образом, факт знакомства Пушкина с публикуемым ниже произведением, на наш взгляд, нельзя исключить полностью, хотя, разумеется, нет и достаточных оснований для предположений о сознательном пародировании Пушкиным (наряду с «Бедной Лизой») повести «Остров Шамуршир». Так что вышеприведенные сближения скорее умозрительны, хотя, на наш взгляд, определенно свидетельствуют о возможных литературных пересечениях.

ОСТРОВ ШАМУРШИР²³

Курильской анекдот

Судьба, поднимая руку с мечем, другою сыплет цветы на жертву свою!

Карамзин

Когда корабль оставляет Охотское море и намеревается плыть в море открытое, названное Восточным Океаном, тогда ему невозможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселенных народами, которые едва ли имеют и малейшее понятие о первой точке просвещения: они дики и совершенно необразованны. Звериная и рыбная ловли составляют их главную промышленность. Дань, которую они платят мехами и рыбой Российской Державе, означает зависимость их от оной; но впрочем они управляются старейшинами семейств, которых и н о г д а называют они П р и н ц а м и или самодержавными Князьями.

В 1784 году один российской купеческой корабль, находясь долговременною жертвою непостоянной стихии, был прибит к берегам Шамуршира, одного из главнейших островов Курильских. Начальник корабля, исправив оной, с первою благоприятною погодою намеревался оставить пристань и продолжать свое плавание.

Уже все было в готовности, и матросы, распевая веселыя песни, при первом повелении Капитана ожидали своего отплытия, один только молодой Малинский, Русской Офицер, бывший пассажиром на корабле и намеревавшийся единственно из любопытства объехать некоторые части света, опасно занемог и не в состоянии был оставить берегов

Шамурширских. Но время не позволяло медлить кораблю, и Малинский должен был избрать на свою волю: или, оставшись на острове, может быть, выздороветь; или сесть на корабль, но не перенести трудностей мореплавания и умереть. Для чего ж бы не подождать еще несколько времени Капитану? – Мы не должны его винить в сем случае: медленность лишала выгод, а корабль и груз онаго не принадлежали ему, но только были вверены его начальству. И так Малинский должен был решиться для спасения жизни своей оставаться на острове, в стране незнакомой, между народами дикими. Какое положение! С горестию оставили его друзья и товарищи, с полными слез глазами сказали ему последнее прости навеки! и может быть мысленно уже погребли его заживо в стране дальней, чужой, незнакомой и – полетели на всех парусах в необозримой океан вод, будучи благоприятствуемы попутным ветром. Какая минута! Остаться в неизвестности судьбы своей, между народами незнакомыми, которые может быть отвергают всякое чувство сострадательности; которые может быть самую добродетель признают в образе тиранства, самага Бога в образе злодеяния! – Мучительная неизвестность! кто может изобразить тебя? Но бедное человечество еще все не престаёт предпочитать тебя смерти, которая иногда, а может быть и всегда, бывает нашею усладительницею, целительным бальзамом по окончании горестных сцен жизни!..

Долго Малинский оставался в безпамятстве, почти совершенно мертвым, долго сидел на зеленом, высоком пригорке, на том самом месте, где оставили его товарищи; долго смотрел на развевающий флаг корабля своего, который летел как птица по зеркальной поверхности океана; шум волн заглушал едва уже слышимой голос песни матросов; наконец корабль

скрылся из виду. Горесть совершенно победила несчастного, оставленного, и он в крайней слабости упал безчувственным.

Между тем как сие происходило, Курилец Джизи, которому был поручен Малинский, в безмолвии стоял подле него, и не разумея ни одного языка, кроме своего отечественного, не находил способов к облегчению грусти отчаянного несчастливца. Наконец он изобрел способ утешать его, начав плясать, прыгать, петь вокруг своего гостя; но и сей способ был также бесполезен; ни что не могло развлечь печального Малинского. Что же с ним делать, думал добрый Джизи, и думал очень не долго, он взял его на руки и отнес в свою хижину, где больной был принят всем семейством своего новаго друга с непритворною радостью. Малинского положили на тростниковую постель, натерли целительными мазями, напоили прохладительным питьем и во весь остаток дня не оставляли его ни на минуту.

Семейство Джизи составляли жена и дочь, молодая Курильская девушка, не пригожая собой для вкуса Курильцев, потому что в лице и поступках ея было много чего-то Европейскаго. Каждой народ имеет свои предубеждения, свои мнения, и мы видим не редко, что не только народы или целыя области, но и самое малое простое общество не может быть между собою согласно во вкусах. В чем один находит дурное, или неприятное, в том другой видит изящное и привлекательное. Истина неоспоримая: нравы и вкусы различны. Курильцы находили дочь Джизи безобразною; но Европейцы называли ее прекрасною. – Гульми (имя жены Джизи) была совершенная Азиятка, до крайности смуглая, до крайности круглолицая; маленькие темносиние глаза, жидкия брови, сплюснутой нос, широкой рот, толстыя губы, черные как смоль волосы – вот почти сходной

портрет ея; но со всею своею безобразностию она имела добрую душу, нежное сердце и почиталась между Курильцами красавицею.

Напротив того дочь ея Варьми ни мало не походила на своих соотечественников; она имела черные огненные глаза, правильныя и приятныя черты лица, смуглой цвет, оживленной румянцем, хороший рост, нежный орган голоса. – Чудеса Природы неисповедимы, и дивиться не чему, если между Курильцами могла родиться женщина прекрасная! Феномены редки; но они являются и являлись не в одной стране, не в одной части света, но повсюду. И так красота Варьми может причесться к числу феноменов между Курильцами.

Скоро Малинский с помощью Бога и друзей получил прежния свои силы, и в ожидании прибытия какого-нибудь Европейскаго корабля занимался образованием благодетелей своих; он научал их многим Европейским обыкновениям; изъяснял им догматы Христианской веры и жил довольно благополучно, если б тоска по отчизне не раздирала иногда его сердца. – Курильцы любили Малинскаго искренно, уважали его, угождали ему; но сия любовь, сие уважение, сии угождения не могли заменить в глазах его удовольствия жить хотя бы и в горести, хотя бы и в бедности, но под родимую кровлею:

Отечества и дым нам сладок и приятен!²⁴

говорит Гораций; так, конечно, сладок и приятен. Для человека на свете сем ни что не может и ни что не должно быть любезнее своего отечества; и как назвать такого человека, которой порицает и отвергает страну отцев своих? он не человек! – И самое изобилие или богатство жизненных удовольствий в стране чужой не возможно променять на

отечественную бедность.

Я сказал, что Курильцы любили Малинского; но кто из них любил его всех более, кто почитал его сокровищем, необходимешим для жизни своей, для благополучия: это Варьми! Она в короткое время умела понимать язык своего милаго; в короткое время начала веровать вере его, его Богу; подражала ему во всем, и любила его так, как немногие любят: – без памяти!

Малинский также был не нечувствителен к милой островитянке и любил Варьми, если не страстно, то душевно. Он обещал на ней жениться и наконец исполнил свое обещание. Они поклялись перед истинным Богом во взаимной, вечной друг другу верности, и – Малинский сорвал первую розу с прекрасных губ Варьми. Какое небесное удовольствие иметь своим то, что мило сердцу; быть обладателем того, и располагать тем, что жизнь наша почитает своею жизнью! – Соединение с милым предметом не могло однакож истребить тоски Малинского; он желал еще возвращения в свое отечество, желал там жить с своею доброю Варьми, гордиться ею, восхищаться. – Там (думал он), в стране моего рождения, какое славное преимущество может получить безыскусственная, живая Природа; там, где существуют уже нравы испорченные, конечно, невинность должна быть фениксом; и мое блаженство будет блаженство несравненное!.... Он мечтал, и мечты его почти всегда извлекали из глаз его слезы.

Однажды он сидел на самом том месте, на котором был оставлен своими товарищами; Варьми сидела подле него и ласками своими, своею нежностью всячески старалась утешать его. – Скоро может быть сюда приедут Европейцы, говорила она ему; в это время они всегда заезжают к нам для выменки от нас мехов и рыбы: тогда, мой милой друг! ты

оставишь наш Шамуршир, конечно оставишь! забудешь друзей своих, которые так с тобою искренны, так тебя любят, забудешь может быть и свою верную Варьми! – Никогда! никогда! моя милая! – воскликнул Малинской, целуя свою подругу; я возьму тебя с собою и в моем отечестве ты будешь еще щастливее, еще веселее, еще милее! – Нет! нет! отвечала Варьми, мне не возможно там быть веселее; здесь я оставлю моих родимых, моих друзей, мой Шамуршир, и я конечно уже буду часто, очень часто о них плакать; но со всем тем, продолжала Варьми, заливаясь слезами, но со всем тем я ни за что не соглашусь оставаться здесь без моего друга!.. Когда разделится жизнь твоя с моею, я не перенесу этого, я умру, умру наверное!... – Ты и не останешься! вскричал Малинской; за твою верность, за твою любовь должно платить и мне теми же чувствами; и да поразит меня Небо, если моя любовь и благодарность будут к тебе не вечны! Ты гений спаситель жизни моей: как же я могу забыть тебя!... Так продолжался разговор двух верных супругов, взаимно друг другу обязанных. Ласки любви и дружбы сопровождали каждое слово их, каждой взор. – Ах! как весело, как приятно жить тому, кто любит и любим! Жизнь любви одна только может назваться жизнью!

Утро было прекрасное, и предвещало один из приятнейших Майских дней; но Варьми с пасмурным видом возвратилась с своей обыкновенной прогулки; слезы невольно катились из глаз ея. – Что с тобою сделалось, моя милая? спросил встревоженный Малинский. – Голландской корабль пристал к берегам Шамуршира, отвечала она, приходя от часу в большее смятение. – Голландский корабль? вскричал с радостию Европейец; и так надежда опять воскресает в душе моей! Боже мой! как мы будем щастливы! Скажи, где он? Я лечу туда. – Остановись, несчастной! сказал

Джизи, вошедший в ту самую минуту, когда Малинский хотел идти, остановись! продолжал старик, или смерть твоя неизбежна! – Мне смерть! воскликнул с отчаянием Россиянин, мне смерть! – тебе смерть, отвечал ему с кротостию старец; молодой человек, ты дорог мне, и я спасу тебя – надейся; но выслушай меня и оставь свою запальчивость: Голландцы пристали к берегам нашим, подманили к себе несколько Шамурширцев и коварным образом увезли их с собою. Это сделали твои добрые Европейцы! сказала Варьми с упреком своему мужу. – Не порицай меня взором твоим, воскликнул Малинский, или я умру у ног твоих. Я невинен! – Ты невинен, говорил со слезами Джизи; но такой бесчеловечной поступок раздражил всех Курильцев и совет старейшин наших присудил истребить Европейцев, которые будут находиться на островах наших. Ты, мой друг! продолжал всхлипывая старец, ты должен быть первою жертвою жестокости законов наших. – Малинский прижал его в объятиях своих и с твердостью сказал ему: «Мой Бог, спасая меня, спасет во всякое время; вера не охладела в сердце моем!»

Варьми и мать ее уже были без чувств, как вдруг в самое сие время толпа раздраженных Шамурширцев ворвалась в хижину Джизи и с яростию требовала жизни Малинского! Джизи! говорили они, ты брат нам и должен быть во всем согласен с нами: Европейцы увезли наших братьев и сыновей, за то и мы хотим побить всех Европейцев! Отдай нам того, которой у тебя живет, и мы убьем его первого! – Смиритесь! отвечал им с кротостию Джизи, смиритесь! я не отдам вам своего друга: он брат мне и вам; один великой Царь управляет им и нами: не уже ли же нам убивать своих кровных: не уже ли же мы должны возставать брат против брата, друг против друга? Правда ваша, что злые Европейцы похитили наших

друзей и сродников; но этот невинной, доброй Европейец поручен, оставлен нам как брат, котораго мы должны оберегать и спасать; и вместо того, бесчеловечные! вы требуете его жизни! – Он Европейец! кричали Курильцы, он Европейец; а может ли быть добрым Европейец? Они все злы! мы хотим всех побить их; они враги наши! – Как! вы хотите убить его только за то, что он Европейец? говорил Джизи. Какое он сделал зло нам? Признайтесь, жестокие братья! кто научил нас полезному в общежитии нашем, кто открывает нам путь к познанию истиннаго Бога? – Он! он! вскричали в один голос Курильцы. – И вы хотите за то убить его! продолжал старец. Знаете ли Вы, что если общий с ним великий Царь наш узнает такую жестокость нашу, то гнев Его будет беспределен? Он велит затопить нас, и название Шамуршира исчезнет!

Курильцы роптали; но смятение и трепет обнаруживали их смирение. – Знаете ли вы – воскликнул старец, ободренной смущением своих собратий – знаете ли, что сам Бог не попустит вам, и какими глазами выбудете глядеть на меня, когда я вам предам того человека, котораго поклялся быть охранителем, отцем, другом? Что вы делаете с тем, которой, обещая, не сохраняет слов своего обета? Так вы хотите, требуете того, чтоб я преступил все слова чести? Нет, нет! я не допущу вас пролить кровь добраго, невиннаго моего друга; дом мой не осквернится жестокостию несправедливости; но ежели варварство ваше превышает все границы свои: возьмите мою жизнь жизнь вашего брата! Между тем, как Джизи старался спасти друга своего, Шамурширцы мало по малу расходились из хижины; а тогда, когда он окончил речь свою, их не было уже ни единого. Вот действие красноречивой добродетели над жестоким заблуждением!

Малинский пал на колена и лобызал руки своего спасителя, которой

подняв его, прижал к сердцу и сказал: Мы умеем и должны спасать друзей своих! – Варьми прыгала вокруг своего любезного друга и с чувством радости пела благодарственные песни ??? Вездесущему. – Гульми рыдала от радости и приготовила торжественный праздник для друзей своих, на котором имя доброго Джизи раздавалось в тысяче радостных восклицаний.

Шамурширцы оставили свою ненависть против Европейцев; клятва мщения их предана была забвению. Малинский смело встречался с каждым из островитян, и твердо был уверен в их добродушии. И в самом деле злопамятность никогда не оставляла ненавистной черты своей в свойствах Курильцев; они отличались добросердечием и простотою. – Мы радуемся, говорили некоторые из них, повстречавшись с Малинским, что не убили брата нашего Рускаго; он доброй человек! А если бы убили его, тогда бы великой Бог не дал нам ни пищи, ни одежды; рыбные и звериные ловли наши никогда бы не были удачны.

Не могу положить настоящего времени, долго ли еще Малинский жил на Шамуршире; но знаю точно, что однажды, когда он был занят дневной работою своею, Варьми с радостными восклицаниями вбежала в хижину его: Друг мой! Европейцы пристали к острову нашему, Европейцы!....

С каким восторгом Малинский вскочил из-за работы своей, не берусь описать. Слезы удовольствия текли из глаз его; он с восхищением прижимал к сердцу своему щастливую вестницу. Но какая была тогда радость, когда он, пришедши на пристань, увидел Руской корабль, которой возвращался в Отечество! Малинский объяснился с Капитаном корабля и был принят на оной с сердечным удовольствием своих добрых соотечественников. Рано на третий день положено было оставить

Шамуршир, и Малинский терялся в восторгах, ожидая дня благополучия своего – так он называл день своего отъезда. Варьми узнала о щастии своего любезного; но радость ея не была его радостью. Взор ея был пасмурен; улыбка не являлась более на устах ея. С нежностью она взяла руку милаго друга и ангельским голосом с видом робости сказала ему: Я везде с тобою; но ты не забудь меня и там за морями, или Бог накажет тебя!

С горестными, неизъяснимыми страданиями Варьми оставила страну своего рождения, кровлю отцев своих: она всем пожертвовала для любви и для любезного. Джизи и Гульми осыпали ее благословениями, и поручив ее Богу, расстались с нею на веки! Нет слов для изъяснений ужасов ея; и тот только может познать вся ея муки, кто сам их испытал! – Благодарность Малинского к благодетелям своим также была неизъяснима.

Скоро супруги-любовники прибыли в землю Рускую, в Отечество Малинского, – и странник кинул посох свой: он нашел себе верную пристань! – Друзья и родственники приняли его и Варьми радостно; супружество их может назваться примером любви и верности, следовательно и благополучия! Нежная Варьми содеялась Европейкою, превзошла многих из них своими добродетелями, достоинствами; – доброй Малинский совершенно щастлив!

Сей анекдот был рассказан мне одним из морских Офицеров, бывших в Российско-Американской Компании; он сам был на острове Шамуршире, где имя Малинского у всех жителей еще не забыто; но он уже не застал живыми Джизи и Гульми; быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти. – Проезжая Т... Губернию, знакомец мой видел Малинского, восхищался образом жизни

его, его Варьми, самим им и его детьми!

С.П. Бург

1810 года.

М. М-в.

¹ Остров Шамуршир. Курильский анекдот // Агляя, издаваемая кн. П. Шаликовым. Ч. X. Кн. III, сентябрь. М., 1810. С. 3–25. Напомним, что слово «анекдот» в то время означало краткий рассказ о подлинных исторических событиях.

² Шоумчу Пушкин называет «первым Курильским островом». *Пушкин А.С.* Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С.П. Крашенинникова // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. Л., 1979. С. 238. Пушкин, который предполагал написать статью Камчатке и подробно интересовался историей освоения Камчатки и знакомства с Курильскими островами, писал в тех же заметках: «...пятидесятник Василий Колесов. Он сидел на приказе по апрель 1706 года. При нем был первый поход в Курильскую землю, и человек двадцать курильцев объяснены, прочие разбежались». Там же Пушкин упоминает об экспедиции Козыревского: «Козыревского с 55 казаками и двумя пушками послал Колесов на Большую реку строить суда и заслуживать свои вины, проведывая новых островов и Японского царства» (С. 334).

³ Подробнее см., например: *Знаменский С.* В поисках Японии: из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Благовещенск, 1929; *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960; *Аояги Тико.* Тисима рэтто-э-но Росиядзин нанка то Тисима айну. (Продвижение русских к Южным Курилам и курильские айны) // Сэбэру. 2005. № 21 (журнал «Север», издание Осацкого университета иностранных языков).

⁴ *Крашенинников С.* Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. В Санктпетербурге. При Императорской Академии Наук. [СПб.], 1755.

⁵ *Модзалевский Б.Л.* Каталог библиотеки А.С. Пушкина. Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 9/10. СПб., 1910. С. 54. (Комиссия издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук).

⁶ Иоганн Готлиб Георги (1729–1802), естествоиспытатель, врач, химик, этнограф, путешественник, ставший в России Иваном Ивановичем, имел множество заслуг перед разными науками. В области этнографии Георги занимался, в том числе, малыми народностями Сибири. Именно он в 1794 г. рекомендовал Канта к избранию в почетные члены Российской Императорской Академии Наук. (Не столь важный, но любопытный факт: это по его фамилии в России получили свое название георгины.)

⁷ *Вацуро В.Э.* Готический роман в России. М., 2002. С. 400.

⁸ *Dąbrowska M.* Rosyiska opowieść sentymentalna przełomu XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2003. S. 239. (Studia Rossica).

⁹ Подозрение высказано Н.Ю. Чалисовой, прочитавшей статью в черновике, за что, как и за многое другое, пользуюсь случаем принести мою живейшую благодарность.

¹⁰ Подробнее об этом см., например: *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 47.

¹¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 251.

¹² Рицци Д. «Станционный смотритель» Пушкина и «Старосветские помещики» Гоголя // Пушкинская конференция в Стенфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 318–334. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 7).

¹³ См.: Питерцева Е.Ю. «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина (проблема преемственности): Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000.

¹⁴ Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина. М., 1995. С. 66–67.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ С. 66–67.

¹⁷ Жукова Ю. Об инструменте для написания «Женской истории» // Феминистская теория и практика: Восток-Запад: Материалы междунар. научно-практич. конфер. СПб., 1996. С. 303.

¹⁸ Об отношениях и контактах А.С. Пушкина и Шаликова см. подробнее в: Дрыжакова Е.Н. А.С. Пушкин и князь Шаликов // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Вацуро. М., 1995–1996. С. 271–283.

¹⁹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В.Э. Вацуро. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989.

²⁰ Напоминаем текст эпиграммы:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
Перед певцом со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
«Вот, вот с кого пример берите, дуры!» –
Он дочерям в восторге закричал. –
«Откройся мне, о милый сын природы,
Ах! что слезой твой осребрило взор?»
А тот ему: «Мне хочется на двор».

²¹ Пушкин А.С. Письмо Вяземскому П.А., 19 февраля 1825 г. Из Михайловского в Москву // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Письма. Л., 1979. С. 99. Имеется в виду следующий фрагмент:

И я, средь бури жизни шумной
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви:
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их Шаликов поет.
Любезный баловень природы.

Впоследствии Пушкин заменил «Шаликов» на «юноша», и стихотворение с тех пор

публикуется в исправленном варианте.

²² *Сперантов В.В.* Miscellanea poetologica. 1. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 125–131.

²³ В публикации по возможности сохранены орфография и пунктуация оригинала.

²⁴ Скорее всего, это говорит Державин в стихотворении «Арфа», именно эту строку с измененным порядком слов цитирует грибоедовский Чацкий – через 10 с лишним лет после опубликования «Шамуршира». Державин же перефразирует, видимо, Овидия, который в свою очередь берет за источник Гомера.